

УДК 821.161.1.09-31+929Иванов

СИБИРСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПОВЕСТИ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА «БЕГСТВУЮЩИЙ ОСТРОВ»: ОТ ФАКТА К ОБРАЗУ

Е. А. Папкина

Институт мировой литературы имени А. М. Горького РАН, Москва
E-mail: elena.iv@bk.ru

В статье рассматриваются реальные и фольклорные сибирские источники повести Вс. Иванова «Бегствующий остров»: история Покровского старообрядческого женского монастыря, нашедшая отражение в творчестве сибирских писателей начала XX в., и русская народная утопическая легенда о Беловодье. Вопрос о подлинной, крестьянской власти решен автором на сопоставлении новой власти и народного утопического идеала.

Ключевые слова: сибирские источники, факты исторической реальности, старообрядческий монастырь, русская народная утопическая легенда, образ Беловодья, новая власть, народный идеал власти.

Siberian Sources of Vsevolod Ivanov's Story *The Running Isle: From Evidence to Representation*

Е. А. Папкина

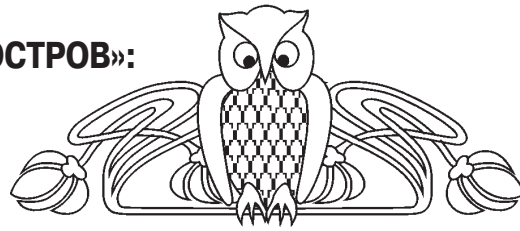
In this article we review Siberian sources of Vs. Ivanov's story *The Running Isle* (Begstvuyushchiy ostrov). For example, there is a story about Pokrovsky Nunnery of the Old Believers which is reflected in the works of Siberian writers of the early XXth century; and the Russian folk utopian legend about Belovodye. The author solves the problem of genuine peasant power by comparing the new government and the folk utopian ideal.

Key words: Siberian sources, evidence of historical reality, Old Believers' monastery, Russian folk utopian legend, representation of Belovodye, new government, folk utopian ideal of authority.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-1-70-76

Исследования творчества Вс. Иванова последних лет¹ показали, что в основе наиболее известных произведений писателя: «партизанских повестей» (1921–1922), рассказов книг «Седьмой берег» (1922), «Тайное тайных» (1927), романа «Голубые пески» (1923) и других – лежат сибирские источники. В первую очередь, это реальные факты истории этого удивительного по укладу жизни, обычаям и верованиям региона России, в том числе факты истории революции и Гражданской войны в Сибири. Большую роль в генезисе творчества Иванова играют также фольклорные источники – легенды, сказки, предания разных народов Сибири: казахов, алтайцев и русских переселенцев, в большинстве своем старообрядцев.

Наше изучение источниковедческой базы творчества Иванова ведется с опорой на «локально-исторический метод», предложенный в 1-й половине XX в. русским филологом-краеведом, историком и теоретиком литературы Н. П. Ан-

циферовым. «Непреодолимая актуальность и ценность» его, как показала Н. В. Корниенко, обнаруживается, прежде всего, «в области разработки идеологии реального комментария исторического события и текста литературного памятника». «Разнообразные в своих конфигурациях отношения языков были и мифа, факта и образа в тексте XX в. – область исследований поэтики», – отмечает Н. В. Корниенко. При этом, отвечая на вопрос становления мифологической поэтики, исследователь текста сначала проходит «путь от литературного памятника к реальному <...> запечатленному пространству, открывает в памяти текста бездонные хранилища питающих образ исторических реалий»². Рассматривая повесть Иванова «Бегствующий остров», мы сделали попытку проследить разные этапы этого пути.

Издательская судьба произведения примечательна. Повесть написана Ивановым в конце 1925 или в самом начале 1926 г., фрагменты опубликованы в журналах «Молодая гвардия» (1926. № 5. Под заглавием: «Раскольничий гость»), «Шквал» (Одесса. 1926. № 13, 14. Под заглавием: «Раскольники в городе»), «Красная панорама» (1926. № 16. Под заглавием: «Галкин рассказывает»); полностью издана в литературно-художественном альманахе «Пролетарий» (Харьков, 1926). С небольшой, но существенной авторской правкой повесть вошла в одну из лучших книг Иванова «Тайное тайных», на которую в конце 1920-х гг. обрушилась сокрушительная критика, приведшая к тому, что в «Литературной энциклопедии» 1930 г. творчество писателя было названо «чуждым социалистической революции»³. В 1927 г., создавая третью редакцию романа «Голубые пески» (Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933), Иванов включил повесть в состав его заключительной части. Судя по неоднократному возвращению Иванова к этому своему произведению, оно было значимым для писателя, хранило какие-то сокровенные его раздумья.

Повесть строится как рассказ в рассказе. Карточный шулер и карманный вор Галкин, родом из староверов, в 1925 г. рассказывает едущему с ним в поезде автобиографическому герою «сказку» про революцию⁴ – историю раскольничьей обители, с XVII в. существующей в скрытом от людей месте, куда в первые пореволюционные годы попадает большевистский комиссар Василий

Запус. Возглавляет общину старица Александра-киновиарх. Праведная жизнь обители нарушается под влиянием «мира», в котором происходят исторические потрясения. Важное место в повести занимает любовный сюжет: девушка из обители Саша встречается с Запусом и бежит с ним в новый, советский Тобольск.

При подготовке повести в составе книги «Тайное тайных» в издании серии «Литературные памятники» перед нами встала задача дать реальный комментарий к упомянутым в ней топонимам. В повести рассказано, как после смерти Петра I группа раскольников, спасаясь от сожжения, отправляется в Сибирь на скрытый от людей топями и болотами Белый Остров, расположенный между Тюменью и Тобольском. В реальности, как указывают местные краеведы, на территории этих областей такого топонима не существовало, но были деревня Белая (здесь с XVIII в. стояли раскольничьи скиты) и Остров Авраамия на Бахметском болоте, где находилась келья лидера урало-сибирского старообрядчества старца Авраамия⁵. Новые материалы об обители, которая, скорее всего, стала прообразом ивановского Белого Острова, дают неопубликованные записи о поездке на Алтай летом 1928 г. сибирского писателя, ровесника и друга Иванова с 1916 г. К. Н. Урманова. Одна из глав, «Старообрядческий женский монастырь», повествует об основанной в 1899 г. «приехавшими из-под Уфы восьмью сестрами поморского согласия» Покровской женской обители, расположенной «недалеко от Карагонских белков, к югу, там где сливается речка Банная с Убой, всего в версте от слияния, в глубокой впадине, окруженной горами...» В 1928 г. Урманов видит в обители сорок сестер. Записи передают разговор Урманова с матерью Апполинарией – единственной из тех сестер, оставшейся в живых: «Дивно это, чтобы к нам таки дальние гостешки были. В 12 году, однако, был же у нас из тех краев Гребенщиков – писатель бытто он. Все у нас выпрашивал да выпытывал, а потом, сказывалось, в книжку все пропечатал. <...> Бывал тоже у нас другой писатель – Новоселов бытто, все на карточки сымал»⁶.

Впечатления от посещения Покровской обители действительно отразились в творчестве сибирского писателя Г. Д. Гребенщикова (очерки «Река Уба и убинские люди», 1912; «Алтайская Русь», 1914) и этнографа и писателя А. Е. Новоселова (очерк «У старообрядцев Алтая», 1913; повесть «Мирская», опубликована посмертно в 1919 г.). В очерках Новоселов подробно описывает монастырь, основанный, как он указывает, в 1895 г. «выехавшими из России поморскими черницами»: постройки, «возведенные, главным образом, женскими силами», кельи с иконами и святыми книгами, больницу, службу в монастырском храме, «неугасимую лампаду перед запрестольной иконой» – всю жизнь монахинь, полную трудов и молитв, и восхищается «удивительной стихийной

силой», которой «веет от этих людей, нашедших, наконец, самую строгую веру»⁷. Отношение его со временем не изменилось, что показывает финал написанной позднее повести «Мирская», действие которой происходит в женской обители в горах Алтая. Главная героиня, девушка-сирота Аннушка, поборов после внутренней борьбы стремление в «мир», к земной любви, обретает для себя «новую правду»: «На миру по-божьи не прожить. Чистоты не будет... Думала я сколько – нету чистоты там... Здесь способнее... К камню да к лесу поближе. Лес безгрешный и травка безгрешная, все тут дождичком омыто, снегами выморожено, солнышком повыжжено. А человеку – это в помощь... Уморит свою плоть, одну душу оставит, вот душа-то и засветит, без пятнышка. К небу подойдешь тогда!...»⁸ Г. Гребенщиков, несмотря на понимание того, что жизнь старообрядцев на Убе «как бы застыла в одних и тех же формах суровой неподвижности», также приходит в очерках к выводу о высокой духовной ценности этого старинного русского уклада, в основе которого лежала «здоровая, добродетельная патриархальность», «охранявшая не только веру и чистоту нравов, но и человеческое достоинство»: «Этих людей нелегко было превратить в безропотных и безличных рабов. Это были люди с большой человеческой душой и мягким, отзывчивым к ближнему сердцем. <...> семейные отношения освящались согласием, взаимным уважением и мирным трудолюбием»⁹.

Однако и для Гребенщикова, и для Новоселова, в предреволюционные годы воссоздающих исконную Русь, которая сохранилась в горах Сибири, очевидно, что «наши дни с их огромными событиями и всеобщим распадом – пошатнули... эту упругую неподвижность» и «былая жизнь переменилась в самом корне»¹⁰. Обратим внимание: это написано в 1912 г., еще не началась Первая мировая война, не произошли революции 1917 г., не запыхала на просторах Сибири братоубийственная Гражданская война, не поднялись в 1921–1922 гг. восстания разочаровавшихся в новой власти крестьян и казаков против коммунистов, за подлинно народную власть.

Вс. Иванов обращается к жизни старообрядцев в повести «Бегствующий остров» в 1925 г. Все вышеназванные события уже произошли, и писателю предстояло оценить новую реальность Советской России с высоты своего знания о скрытой в Сибири древней Руси. А знание это у него было, и не только книжное. Иванов родился в 1895 г. в казачьем селе Лебяжьем Павлодарского уезда Семипалатинской губернии, через несколько лет семья переехала в алтайское село Волчиха, стоящее на реке Волчихе, которая впадает в Убу. Об этих местах, где «живут староверы поморского согласия», Новоселов писал: «Глубокий снег и половодье отрезают верхнюю Убу на четыре месяца от всего мира. Зимний путь устанавливается по льду лишь после того, как застынут все

убинские дороги»¹¹. Вс. Иванов, исходивший в 1912–1915 гг. в юношеском стремлении добраться до Индии всю Сибирь, возможно, бывавший и в Покровском монастыре, в романе «Голубые пески» по-своему использовал известный ему и знаковый для сибирской литературной традиции топоним. Пролетающая в пустыне Убы «золотая дорога» ведет «вверх, к счастью; там, вверху, кому нужно – будет хлеб, масло и сыр, женщины и кони, юрты и постели»¹². К счастливой земле устремляется народ в легенде о «голубых песках», но не обретает ее.

Круг близких знакомых Иванова в Кургане и Омске в 1915–1920 гг. составляли люди, происходившие из старообрядческих семей: К. Худяков, И. Малютин, А. Сорокин, И. Ершов; в Омске в 1918 г. жил А. Новоселов, с которым Иванов был знаком и высоко ценил его творчество. Произведения Г. Гребенщикова Иванов, судя по его письмам Урманову, также хорошо знал¹³.

Старообрядцы появляются и в сочинениях Иванова: в сибирских рассказах писателя («Анделушкино счастье», 1919) и в его «Партизанских повестях». Главный герой повести «Цветные ветра» Каллистрат Ефимыч – крестьянин-старовер. Критик В. Правдухин так определил генезис ивановского героя: «У хорошего сибирского писателя Новоселова в повести “Беловодье” есть подобный мужик – Панфил. В сущности, герой Иванова и является этим Панфилом, только перенесенным в революционную обстановку»¹⁴.

Автобиографии Иванова 1920-х гг. также подтверждают, что он хорошо знал быт и веру раскольников¹⁵. В архиве писателя сохранились документы, связанные с историей старообрядчества: «Объявление правительствующего Всероссийского Синода о покаявшемся раскольнике Иване Михайлове» (1726), отрывок исследования неустановленного автора «О распространении веры в период Синодального управления Русской церкви» (не ранее 1850) и др.¹⁶ О глубоком знании писателем истории раскола свидетельствуют факты и реалии, упомянутые в повести «Бегствующий остров»: публичный диспут о старой и новой вере 5 июля 1685 г. в Грановитой палате Кремля в присутствии царевен Софии и Татьяны и царицы Натальи Кирилловны, матери Петра I («В Драновитой палате при царевне-паскуде Софье-беспятой пришлось им закричать: “Победим, перепрехом!” – так и жили под таким зыком долгие века» (94)); правительственные распоряжения эпохи Петра I по преследованию раскольников: указ 1716 г., по которому раскольникам было разрешено открыто жить в селениях и городах, но под условием платежа двойного налога, «Духовный Регламент» от 25 января 1721 г. («Напечатал Петр против них духовный пергамент, после пергамента того – народ в ямки жечься пошел» (94)) и др. Имеется в тексте и отсылка к истории знаменитой северно-русской Выговской пустыни: «...мудрец такой великий на Поморье жил, Денисов, поддержал тоже...» (96).

Во время работы над «Бегствующим островом» интерес писателя к старообрядчеству не угасает, подтверждением чему может служить письмо его от 20 декабря 1925 г. А. М. Горькому. Живущий в Москве Иванов рассказывает о своей мечте проехать на лошадях «по Семиреченскому тракту, мимо Иссык-Куля полторы тысячи верст <...> казачьими станиц<ами> среди раскольников и киргиз»¹⁷.

Сформировавшееся на основе реальных и книжных впечатлений представление Иванова о старообрядчестве нашло отражение в повести «Бегствующий остров». На Белом Острове раскольники живут на горе Благодати в пещерах, схимниками-пустынниками, или в кельях, на полянах: «Вывели кельи, молеальный дом срубили из кедрового дерева. <...> Срубили дома, пашни подняли, бить птицу и зверя стали» (97). Со знанием реалий жизни старообрядцев описывает Иванов соборы в обители, где решаются и внутренние, частные вопросы (например, о том, чтобы Сашу, дочь старицы Александры, и Гавриила-юношу «к сводной молитве подвести» (98)), и главный вопрос – надо ли идти в «мир», если туда «древляя вера воротилась» («Подымите лестовки с подручниками»¹⁸, очистите себя от грехов, достойно да примем семь никонианских раскаявшихся епископов» (116)). Но прежде всего перед читателем предстает каждодневная жизнь Белого Острова, где есть место трудам и молитвам, греху (история дряпки-Авдовки) и искуплению: согрешив, схимники «всем миром встали посреди улицы на колени, в грехах друг у друга каялись, <...> три дня подряд молились. От такой молитвы показалось им, что образа просветлели, улыбнулся им кроткий лик Христа, – все мы, дескать, люди, все человеки» (121).

В то же время Иванов, используя известные ему реалии старообрядческой монастырской жизни (скорее всего, именно Покровского монастыря – наиболее древнего на Алтае), создает образ гораздо более объемный и значимый по своему историко-философскому смыслу. Прежде всего отметим, что Белый Остров – это не женский монастырь. Там проживают мужчины и женщины разных возрастов – от старцев-схимников до молодежи, подчас готовой спорить со старшими, совершаются браки, рождаются дети. Комментарий рассказчика по поводу предстоящей поездки в «мир»: «Саней <...> с тысячу насбиралось» (121) – создает представление о числе жителей Белого Острова. Понимание генезиса ивановского образа может дать обращение к другим сибирским источникам – фольклорным.

О философском метатексте повести «Бегствующий остров» – русской народной социально-утопической легенде о Беловодье – нам уже приходилось ранее писать¹⁹. Легенда была известна Иванову не из книжных источников: биография писателя связана с местами ее создания и бытования. Всеволод Иванов родился и странствовал

в Сибири – там, где поиски Беловодья были реальностью. В 1913 г. А. Новоселов писал об Алтае и Сибири: «В поисках “беловодья” поднимались целые деревни, бросая полное хозяйство. <...> Поиски <...> продолжались вплоть до XX столетия»²⁰.

По мнению исследователей, легенда о Беловодье возникла и распространялась среди сектантов «бегунов» – крайнее левое согласие старообрядчества, – которые «по-крестьянски жаждали “царства Божьего” на земле. Одному из основных своих тезисов – “града настоящего не имамы, а грядущего взыскуем” – они придавали вполне реальное, практическое выражение»²¹. К. В. Чистов, наиболее авторитетный исследователь русских народных социально-утопических легенд, отмечал, что «мечта о вольной земле сочетается в беловодской легенде <...> со старообрядческой мечтой о земле, сохранившей древнее благочестие»²².

К беловодской легенде отсылает, прежде всего, название раскольничьего поселения у Иванова – «Белый Остров», иногда – «Белоостровье». И слово «белый», и слово «остров» в ивановском топониме связаны с Беловодьем. Как восстановил К. В. Чистов из анализа знаменитого сочинения «Путешественник» (опубликован в 1826 г., авторство приписывается Марку Топозерскому, или иноку Михаилу), Беловодье имело островное положение. Слово «белый» в названии «Белый Остров» включает в себя тот же цветовой компонент, что и в «Беловодье», причем «первая часть его “бело” несомненно воспринималась не как название цвета, а связывалась с другим значением прилагательного белый <...> – “чистый, свободный от чего-либо, вольный”»²³.

В повести Иванова Белый Остров отгорожен от остального мира непроходимыми лесами, снеговыми полянами и болотами. Комментируя «суровый облик» земли обетованной в «Путешественнике», К. Чистов замечал: «Представление о стране благоденствия как о стране, покрытой дремучими лесами, где стоят суровые морозы, зимы, могло возникнуть только в сознании северно-русского крестьянства»²⁴. В рассказ о пути к Белому Острову Иванов вводит элементы образности русского фольклора: песню («Как от Камы реки...»), заговор («...будете вы ровнять снег, чтобы не было ни следов, ни полей, ни памяти людей, не было ни дороги, ни троп, один снеговой сугроб! Замкните ворота таежные. Спустите засовы болотные – и заклятье положу я на ту дорогу» (96)) и др.

Дорога в Беловодье – один из ключевых эпизодов народной утопической легенды и всех публицистических и художественных произведений этой тематики. Вот как оно представлено у Иванова. Десять лет добираются раскольники от пустыни под Ярославлем до Сибири, наконец приходят к знаковому месту: «...на восток видно через речушку безназванную – топи, кочки, камы-

ши, болота да скалы». «Отсюда, – указывает некий работник, по прозвищу Оглобля, – начинается та дальняя тропка на Белый Остров. Надо только осени глубокой подождать, пока в болотах кочка промерзнет, стоять будет твердо. К тому времени я всю тропу вспомню наизусть, как утреннюю молитву». Вспоминает он потаенную дорогу не день и не два (отметим, что путь к монастырям, хотя они и находились в укрытых от людей местах, был известен), наконец, когда уже «застыл снег вокруг валенок», обоз в триста саней трогается, и на пятые сутки раскольники достигают цели» (96–97).

Беловодская легенда не случайно особенно важна для Сибири: дорога, описанная в «Путешественнике», идет от Москвы (в одной из редакций – от Керженца) через реальные пункты средней России и Урала до горного Алтая – упомянуты Бухтарминская и Уймонская долины. Далее топонимика становится фантастической. Местонахождение Беловодья названо где-то за Китаем и около «Апонского царства»²⁵.

Герои Иванова после долгого пути достигают Белого Острова, «дальше крепости Тюмень да ближе крепости Тобольск» (95), и создают там свое «земное царство». Таковым, собственно, Беловодье и было для крестьян, действительно бежавших туда: «с идеальным строем общественных отношений, совершенными нормами морали и изобилием благ земных». При этом, несмотря на изобилие, как указывает А. Клибанов, оно не было «царством веселия и безделья» – жизнь в Беловодье проходила в молитвах и служении древлей, истинной вере²⁶. Жители белоостровской пустыни живут уединенно вплоть до начала XX в. Киновиярхами по традиции избирают представителей рода Выпорковых – жена пострадавшего за веру Семена Выпоркова Александра стала первым начальником «киновии», т. е. общежительного монастыря. Родившиеся дети получают имя Александр или Александра. «Как исполнится три года дитяти, мужик-отец в пещеры уходит, а жена киновиархом и хозяином остается» (97). При рождении Саши – юной героини повести, дочери тихой старицы Александры – происходит событие, предвещающее беду: лопается обруч на пятидесятиведерной бадье с медом, которая, по обычаю, должна быть вкопана в землю. Через двадцать лет рассольники наблюдают второе страшное пророчество – небывалый урожай. И действительно, в урочный час на встречу к священным Трем Соснам не приходят жители села Черно-Орехова зыряне (устаревшее название народа коми), которые издавна меняли ружья и порох на добытые рассольниками меха. На соборе Александра-киновиярх предлагает послать кого-то «в мир» – узнать, «что там доспелось». Сначала в «мир» попадает Гавриил-юноша, затем, в поисках дочери, сама старица.

Именно ее глазами увидена в повести «Бегствующий остров» другая, послереволюционная «благословенная земля», построенная на совершенно иных основаниях, – новый Тобольск. Вот

лишь несколько его описаний: «Улицы-то широкие, как елани, дома сплошь кирпичные, гладкие, а среди них народишко спешит, подпрыгивает <...> город-то каких-нибудь пять верст, а спешки у людей на тысячу» (123); «По лику – Русь, а по одеже – чисто черти <...> А девки стриженные, юбки в насмешку над верой колоколом сшиты» (123); «Двери в Совете табачищем пропахли. Стоят в каждую комнату люди в затылок. Ругаются, плюются, вонь от них» (123). Новая утопия, утверждающаяся в Советской России, отмечена насилием и безверием: «Нет, матушка, в этом городе епископов. Был один, да пристрелили. <...> И игумны, матушка, все сбежали, и то и пристрелены. <...> В церквах-то попы не знают, что и служить» (124) и т.п.

Противопоставление прежней и новой благословенной земли, с очевидной авторской симпатией к старому, звучит в повести Иванова, созданной в 1925–1926 гг. Это далеко не случайная дата в произведении, воскрешающем русскую народную легенду о Беловодье.

Исследователи неоднократно отмечали, что в предреволюционные и первые пореволюционные годы в русской литературе наблюдается возвращение к народным представлениям о сокровенном Китеже-граде. То же можно сказать и о Беловодье. Однако при всей близости этих легендарных топов между ними имеются существенные различия. «Китежская легенда фиксирует момент “исхода”, – указывал А. И. Клибанов. – Беловодская легенда естественно дополнила Китежскую, как и “исход” должен быть дополнен “обетованной землей”. Ею и явилось Беловодье»²⁷. В отличие от сокровенного града-Китежа, Беловодье представляет собой «земное царство». На протяжении XVIII–XIX вв. были выявлены реальные свидетельства о его существовании: сообщения крестьянина Дементия Матвеевича Бобылева (1807), купца Мефодия Шумилова (1807) и др. М. Шумилов, в частности, рассказывал об «обитающих в смежности Индии и Китая расстоянием от Бухтарминской крепости на пятнадцать дней пути Российских жителей, не менее 20 тысяч человек»²⁸. Для людей, стремящихся в Беловодье, определяющими являлись сохраненная древлеправославная вера, возможность свободно трудиться на земле и отсутствие всех светских властей: «...светского суда там не имеют <...> управляют народы и всех людей духовные власти»²⁹.

Легенда является знаковой для литературы севера России и Сибири начала XX в. В 1910-е гг. печатаются романы уроженца Олонекской губернии А. Чапыгина «Белый скит» (1913), сибиряков А. Новоселова «Беловодье» (1917), Г. Гребенщикова «Чураевы» (1 часть – 1917), а кроме того, уже называвшиеся очерки А. Новоселова «У старообрядцев Алтая», Г. Гребенщикова «Алтайская Русь» и другие, включающие мотив поисков Беловодья. В 1920-е гг. в русской литературе вновь наблюдается обращение к названной

теме. В 1925–1926 гг. опубликованы рассказ Вяч. Шишкова «Алые сугробы», повести Вс. Иванова «Бегствующий остров», А. Караваевой «Золотой клюв». Не напечатанной остается повесть М. Плотникова «Беловодье», посланная автором в начале 1925 г. в журнал «Красная новь»³⁰. В 1927 г. печатается рассказ А. Платонова «Иван Жох». Назовем два существенных отличия текстов 1910-х и 1920-х гг. В произведениях, написанных в предреволюционные годы, акцентируется мотив родительского наказа искать Беловодье (например, у А. Чапыгина и А. Новоселова). Само Беловодье не описано: романы «Белый скит» и «Беловодье» завершаются на том этапе странствия, когда после долгой и трудной дороги, тайными путями и неведомыми тропами, перед героями только открываются вдаль (реально или в предсмертном видении, оба автора однозначного ответа не дают) церкви и белые колокольни праведной земли. Герои произведений, написанных в 1920-е гг., в период нэпа, лишены связи с «отцами». Блудные дети своего времени, они по своей воле или посланные крестьянской общиной (Вяч. Шишков «Алые сугробы») отправляются в путь, в результате которого приходят в некое место, название которого прямо или косвенно указывает на Беловодье: Белый остров у Вс. Иванова («Бегствующий остров»), Бухтарминская долина у М. Плотникова («Беловодье») и А. Караваевой («Золотой клюв»), Вечный Град-на-Дальней реке у А. Платонова («Иван Жох»). В каждом из указанных произведений беловодская легенда представлена по-разному, но все они имеют близкую проблематику, а центральным является вопрос о народной, крестьянской власти.

К. Чистов отмечал, что «утопическое мышление переживает особенное напряжение в периоды социальных, экономических и национальных кризисов»³¹. Народная крестьянская легенда о Беловодье была создана в ситуации страха и отчаяния. В аналогичной ситуации в XX в. она вновь оказалась востребована. В докладе на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) в октябре 1927 г. Н. И. Бухарин вспоминал ситуацию в стране рубежа 1924–1925 гг.: «...у нас складывалось такое положение, что среди основной середняцкой массы крестьянства мы могли с полной несомненностью констатировать довольно широкое недовольство, которое выражалось в целом ряде иногда довольно острых политических фактов. Вы помните <...> ту эпоху убийств сельков, отчасти и рабкоров, шедших в деревню <...> Вы помните и целый ряд политических убийств членов ВИКов и других работников деревни <...> В то время среди середняцких слоев крестьянства в отдельных районах стала крепнуть идея самостоятельных “крестьянских союзов” в качестве политической партии крестьянства, противопоставлявшейся господствующей в нашей стране Коммунистической партии революционного рабочего класса. И, наконец, несколько ранее этого был целый ряд

волнений среди крестьянства»³². В «Докладной записке секретного и информационного отделов ОГПУ [О политическом состоянии СССР]» от 17 февраля 1925 г. указывалось, что в результате «анализа глубинных процессов», идущих в стране на протяжении 1924 г., выявлено следующее: «Рост политической активности и сознательности крестьянства и его способности к сопротивлению советской политике, <...> стихийное стремление к организационной защите своих интересов; обострение классовой борьбы, принявшее определенную форму террористических выступлений против советской общественности в деревне, <...> – вот те основные процессы, которые определяют современное крестьянское движение и которые при дальнейшем развитии приведут в ряде районов к повстанческому движению. <...> Идея создания крестьянских союзов имеет тенденцию к установлению контроля над советским аппаратом и, как логическое завершение, к захвату власти»³³. Это было время, когда правящие круги Советской России, предложившие народу новую благословенную землю, реально опасались массовых крестьянских восстаний с их требованием подлинной, т. е. крестьянской власти, близкой к народному идеалу, запечатленному в утопических легендах, прежде всего в легенде о Беловодье.

Сопоставление прежней и новой власти по-разному проходит через ряд произведений с указанной тематикой. Повести А. Платонова и М. Плотникова мы рассматривали в названных трудах. Приведем новые, сибирские источники, возможно, оказавшие влияние на рождение замысла повести Иванова «Бегствующий остров». С 1922 г. по всей Советской России, в том числе и в Сибири, разворачивается кампания по районированию. Хотя формально новое районирование было направлено на экономическое и культурное развитие того или иного края или поселения, фактически главной задачей его новая власть ставила «искоренение воспоминаний о причинах и обстоятельствах возникновения поселения», о «предреволюционной <...> биографии жителей». «Районирование и смена номенклатуры», как отмечает Д. С. Московская, «меняли внешний облик поселения, но, что еще существеннее, они меняли его биографию, историческое предназначение, душу»³⁴. В 1924 г. в газете «Советская Сибирь», где Вс. Иванов работал в 1920–1921 гг. и связи с сотрудниками которой не терял, печатается серия краеведческих очерков: Лев Мухин «По горному Алтаю (Дорожные впечатления)» (16 янв., 29 янв., 7 февр.); Андрей Кручина «Непримиримые (Из записной книжки журналиста)» (20 янв.); «Среди ойротцев» (15 февр., подп.: «А.»); Андрей Кручина «На севере диком (Из записной книжки журналиста)» (17 февр.); «В горах Ойротии» (19 февр., подп.: «Алт.»); «Камлание» (7 марта, подп.: «Алтайский») и др. Авторы их, чаще всего подписывающиеся псевдонимами, ставили задачей изучение и описание того или иного

района Сибири, его своеобразия, уклада жизни, легенд и преданий. 1924 год стал поворотным в истории отечественного краеведения: на Второй Всесоюзной конференции краеведов в 1924 г. прозвучало требование превратить краеведение в фактор советского строительства – путем более широкого участия в подъеме производительных сил страны. Показательно, что подобного рода очерки в 1925 г. в «Советской Сибири» имели уже другие заголовки: «Авиационное», «По воздуху к подземникам», «Орошение Алтайского края», «По пути возрождения» и т. п.

Приведем фрагмент одной из глав очерка «По горному Алтаю (Дорожные впечатления)», подписанного «Лев Мухин» (псевдоним К. Урманова). Описана алтайская деревушка. Хозяин избы, кержак Парамон, рассказывает гостю, как «их отцы ходили искать землю обетованную, положенную им от бога»: «Долго ходили... В снах открывается она им, а пойдут – нет и нет... Костями там многие полегли. Все степи обходили, в китайских землях были – не нашли... А есть она, должна быть, потому она богом положена человеку – веру который хранит и правдой и богу чистым сердцем хочет служить». Разговор переходит «на наше время»: «– Мы думали, Советская власть – божья, жить нам по-божьему дозволит, а оно выходит инако. Учителей нам своих шлет, а на кой ляд они нам?... Священному писанию мы сами обучим, а более чо человеку надо?..» На предложение «примириться с властями»: «Отдавайте власти то, что требуется, насилия над вами за вашу веру чинить не станут...» – крестьянин отвечает: «– Нет!.. Не помиримся – уйдем... – И совсем шепотом добавил: – Земля-то обетованная открылась... В хребте есть ущелье, вот им неделю надо идти, а там будет долина. И никто туда пути не знает, окромя нас <...> Уйдем, помни мое слово...» Далее следует комментарий автора очерка, в котором ясно звучит его отношение: «Удивительной стойкости народ. Веру свою они несут через бури жизни и прячут ее, как зверь свое дитя... Найдут ли они обетованную землю?..»³⁵

Очевидно, что слова «старая» и «новая» вера имели для писателей 1920-х гг., в том числе и для Вс. Иванова, символический смысл и связаны были не столько с расколом XVII в., но, главным образом, с наблюдаемым ими в XX в. «расколом» традиционной русской жизни. Но если, скажем, для крестьянина из цитированного очерка «обетованная земля», куда вновь открылась дорога, оставалась некоей незыблемой ценностью, то у писателя Вс. Иванова, судя по всему, позиция была иная. Новая вера и новая, замешенная на крови утопия были для него сомнительными с самого начала. Но принимать за идеал «древнюю» Русь и ратовать за создание на прежних основах крестьянского царства он тоже не готов, хотя середина 1920-х гг. – это то время, когда писатель больше чем когда-либо искал основания для такого возвращения и возрождения национальных традиций

правды, справедливости и праведности. Искал, но видимо, не находил – ни в самой реальности... ни в самом себе.

Примечания

- 1 См.: Неизвестный Всеволод Иванов : Материалы биографии и творчества. М., 2010. С. 1–26 ; Папкова Е. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных» : На перекрестке советской идеологии и национальной традиции. М., 2012.
- 2 Корниенко Н. От редакции. Филология прошлого и будущего // Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций. М., 2009. С. 10–11.
- 3 Гельфанд М. Всеволод Иванов // Литературная энциклопедия : в 11 т. Т. 4. М., 1930. С. 403.
- 4 Иванов Вc. Тайное тайных. М., 2012. С. 93. (Сер. «Литературные памятники».) Далее повесть «Бегствующий остров» цитируется по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 5 Подробнее см.: Иванов Вc. Тайное тайных. С. 477.
- 6 Городской Центр истории Новосибирской книги (ГЦИНК). Ку-РДА-1/208. Л. 21.
- 7 Цит. по: Новоселов А. Беловодье : повести, рассказы, очерки. Иркутск, 1981. С. 398–401.
- 8 Там же. С. 168.
- 9 Цит. по: Гребенищев Г. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1. Барнаул, 2013. С. 462–465.
- 10 Там же.
- 11 Новоселов А. У старообрядцев Алтая // Новоселов А. Беловодье. С. 396.
- 12 Иванов Вc. Голубые пески. М., 1923. С. 317–318.
- 13 См.: Иванов Вc. Тайное тайных. Рассказы и повести. Письма. Новосибирск, 2015. С. 338.
- 14 Всеволод Иванов : Критическая серия. М., 1927. С. 91.

- 15 См.: Писатели об искусстве и о себе. М., 1924. С. 59.
- 16 См.: НИОР РГБ. Ф. 673. К. 62. Ед. хр. 1, 7.
- 17 Иванов Вc. Тайное тайных. С. 328.
- 18 Лестовка – старообрядческие четки, кожаные или матерчатые; подручник – молитвенный коврик.
- 19 См.: Папкова Е. Легенда о Беловодье в творчестве Вc. Иванова // Филологические науки : науч. докл. высш. шк. 2009. № 5. С. 29–37 ; Она же. Книга Всеволода Иванова «Тайное тайных»... С. 232–262.
- 20 Новоселов А. Беловодье. С. 403.
- 21 Чистов К. Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2011. С. 297.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 292.
- 24 Там же. С. 276.
- 25 Там же. С. 401–412.
- 26 Клибанов А. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. С. 221.
- 27 Там же. С. 220–221.
- 28 Там же. С. 223.
- 29 Чистов К. Указ. соч. С. 402.
- 30 Машинописный автограф повести М. Плотникова «Беловодье» хранится в РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 162. Впервые опубликована: Сибирские огни. 2011. № 4. С. 140–154. Публикация Е. А. Папковой.
- 31 Чистов К. Указ. соч. С. 442.
- 32 Бухарин Н. Избранные произведения. М., 1988. С. 317–318.
- 33 «Совершенно секретно...» : Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934) : сб. док. Т. 4. М., 2002. С. 318–319.
- 34 Московская Д. Н. П. Анциферов и художественная местнография русской литературы 1920–1930-х гг. : К истории взаимосвязей русской литературы и краеведения. М., 2010. С. 170, 177.
- 35 Советская Сибирь. 1924. № 23 (1265). 29 янв. С. 4.

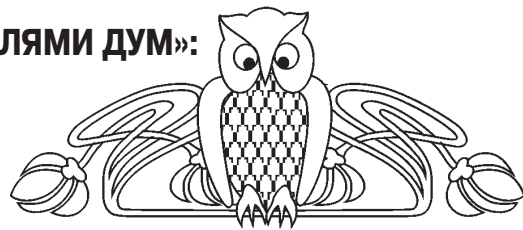
УДК 821.161.1.09:351.751.5+929Кржижановский

«БОРЬБА ВЛАСТИТЕЛЕЙ ДУМ С БЛЮСТИТЕЛЯМИ ДУМ»: О НЕСОСТОЯВШЕЙСЯ ПУБЛИКАЦИИ ПРОИЗВЕДЕНИЙ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО В ПЕРИОД «ОТТЕПЕЛИ»

Е. Г. Трубецкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: etrubetskova@gmail.com

В статье анализируются обстоятельства цензурного запрета публикации художественных и теоретических работ С. Д. Кржижановского в конце 1950-х гг. Впервые привлекаются ранее не опубликованные внутренние рецензии на произведения автора из архивов издательства «Советский писатель», материалы комиссии по литнаследству писателя и письма его друзей (РГАЛИ).
Ключевые слова: С. Кржижановский, А. Западов, А. Зонин, В. Залесский, А. Пузиков.

«Regents of Our Dreams Struggling with the Guardians of Our Minds»: On S. D. Krzhizhanovsky's Works That Failed to Be Published During the «Thaw» Period

E. G. Trubetskova

The article analyzes the circumstances of fiction and theoretical works by S. D. Krzhizhanovsky being banned for publication at the end of the 1950s due to censorship. For the first time unpublished internal reviews of the author's works from the archives of the publishing house «Sovietsky pisatel» are drawn on, as well as the materials of the committee on the writer's literary legacy, and the